

В. Г. Белинский

Славянский сборник

Белинский В. Г. Собрание сочинений. В 9-ти томах.

Т. 7. Статьи, рецензии и заметки, декабрь 1843 -- август 1845.

Редактор тома Г. А. Соловьев. Подготовка текста В. Э. Богграда. Статья и примечания Ю. С. Сорокина.

М., "Художественная литература", 1981.

[OCR Бычков М. Н.](#)

СЛАВЯНСКИЙ СБОРНИК

Н. В. Савельева-Ростиславича. Санкт-Петербург. 1845.

Трепещите и кланяйтесь, читатели! Вы готовитесь иметь дело с книгою, которая -- бездна премудрости, океан учености... Вообразите: одних примечаний *полторы тысячи!*.. Предмет книги самый ученый -- славянский мир, иначе славянщина, или словенщина... Цель книги -- восстановление русской народности, будто бы съеденной врагами нашими, немцами; возделенное восстановление это торжественно совершается книгою через решение вопроса, что варяго-русы были не немцы, а славяне, -- чистые, породистые славяне, без всякой немецкой или другой какой еретической примеси. Средства книги -- страшная эрудиция, неслыханная начитанность. Не знаем, как вам это покажется, но что касается до нас, мы несколько не испугались этой книги. Ученость -- вещь почтенная, и мы сочли бы варваром, готтентотом всякого, кто без уважения стал бы смотреть на ученость; но ученость учености рознь: есть ученость истинная, светлая, плодотворная и благотворная и есть ученость ложная, мрачная, бесплодная, хотя и работающая. Через ученость люди доискиваются истины; через ученость доискивался истины Фауст, тревожимый внутренними вопросами, мучимый страшными сомнениями, жаждавший обнять, как друга, всю природу, стремившийся добраться до начала всех начал, до источника жизни и света, и бестрепетно пускавшийся в беспредельный и невещественный мир *матерей*¹ -- первородных чистых идей. Но через ученость же добивался истины и Вагнер, человек узколюбый, ограниченный, слабоумный, сухой, без фантазии, без сердца, без огня душевного, прототип педанта, представитель всех возможных Тредьяковских, изобретателей русских гекзаметров на греческий лад и русских октав на итальянский манер...² К чему ни прикоснется Вагнер -- все иссыхает и гниет под его мертвою рукою: цветы теряют свои краски и благоухание, красота превращается в мертвый аппарат, нравственность становится скучным жеманством, истина -- пошлою сентенциею... Глядя на Вагнера, особенно слушая его, чувствуешь невольное отвращение к науке и к учености: так противеет в глазах ваших красивый, благоухающий, вкусный и сочный плод, если по нем проползет отвратительный слизняк...

Вагнеров много, и они разделяются и подразделяются на множество родов и видов. Мы имеем теперь в виду только один род этих, впрочем, очень любопытных людей. Сохраняя общие родовые признаки всех Вагнеров, то есть ограниченность, слабоумие, сухость, пошлость, задорливость и фанатизм, -- Вагнер, о котором мы хотим говорить в общем типическом смысле, не применяя ни к кому в особенности его характера, -- наш Вагнер ко всем этим прекрасным качествам присовокупляет еще ипохондрическую способность впасть в манию какой-нибудь нелепой мысли, какого-нибудь дикого убеждения. Избрав предметом своих занятий, например, историю, он видит в истории совсем не историю, а средство к защищению и оправданию чудовищных идей. Во всех других отношениях существо доброе и несколько не опасное, -- он делается разъяренным, когда он говорит или пишет о своей заветной идее, на которой помешался. Все противники этой идеи -- личные враги Вагнера, хотя бы они жили за сто или за тысячу лет до его рождения; все они, мертвые и живые, по его мнению, люди слабоумные, глупые, низкие, злые, презренные, способные на всякое дурное дело. Все ее защитники и последователи, мертвые и живые, по его мнению, люди умные, гениальные, добродетельные, чуть не праведные. Идея его -- истинна и непреложна: он ее доказал, утвердил, сделал яснее солнца, -- и только люди, ослепленные невежеством или злобою, могут не видеть этого. Говоря о своей идее, как об аксиоме, принятой всем миром, за исключением нескольких невежд и злодеев (хотя бы в самом-то деле, кроме самого Вагнера и его приятелей, или никто и знать не хочет ее, или все смеются над нею, как над вздором), -- он сам о себе